

Крестовский Всеволод Владимирович

На Западе и на Востоке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Владимирович К.**
На Западе и на Востоке / Крестовский Всеволод Владимирович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 370 с.

ISBN 978-5-519-91080-4

Содержание. Пан Пшепендевский; Под каштанами Саксонского сада;
Сольгород

ISBN 978-5-519-91080-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НА ЗАПАДЪ.

ПАНЪ ПШЕПЕНДОВСКІЙ.

(СОВРЕМЕННЫЙ ОЧЕРКЪ.)

ГЛАВА I.

Уѣмъ былъ и чего вдругъ лишился
панъ Пшепендовскій.

— От-то дурни были! Позаводили этое сѣмо повстанье, але и чѣто жѣ такое! Теперѣ зѣ-за пихѣ за самыхъ челоуѣку, которы есть порадоchный, а ни ступить, ни пикнуть! Ну, и чѣтожѣ? Теперѣ будемъ такъ говорить: хотя я самый—по выбору одѣ усею благороднаго дворянства три трохлаѣтъя былъ капитан-справникомъ, и наусегда цару и ойтечеству былъ какъ вѣрный собака, а те-разѣ—усею лишонный... Одначежѣ имѣю жѣону и ребенковъ; малютокъ имѣю и всѣ мы желаемъ кушать,—але-жѣ не можно, бо этое само повстанье—а будь оно не ладне!—какъ есть усею лишило. И выходить, чѣто дурни сгадали, а невинный челоуѣкъ есть жертва.

— Ну, пане Пшепендовскій, за что же вы однако мѣсто-то потеряли?

— А зѣ то за самое и потерялъ; бо этое, зволите видѣтъ, какъ пріѣхалъ у край графѣ Муравьевѣ, то такъ

мене одъ разу и одрѣшилъ.. Бо я, говорѣть, полякъ. А какой я полякъ?! И никогда, ни въ жизнь свою полякомъ не былъ, и не желаю, и не имѣю числиться въ полякахъ, —а пропадай они и совѣмъ!

— Э, пане Пшепендовскій! Оно конечно, дѣло немпожко щекотливое говорить-то объ этомъ, но... вѣдь были же причины.

— А каки таки прычины, позвольте взнать?

— Ну хоть... извѣстнаго рода сочувствіе?

— Какъ!.. Я?.. У мене?.. У мене сочувствіе? — Пфрсс!.. Къ мятежникамъ? Къ тымъ канальямъ?—А ни Боже мой!.. И чѣто это только такое вы говорѣте! Я, сударь мой, есть капитан-справникъ; этое одзначаетъ: я есть друхъ порядка.

— Стало быть, въ концѣ концовъ, вы плачетесь теперь на нашу несправедливость?

— Я?!.. на несправедливосць?—А Боже збавъ мене!.. Я — никогда! Помилуйте, какъ этое, чтобы я — и вдрухъ на несправедливосць... на графа Муравьева?.. Да вы не знаете... графъ Муравьевъ да то былъ самый найсправедливѣйшій, найпочтивѣйшій чловѣкъ! Ему намъ усвѣмъ опклоняться до ногъ налѣжить!— Вотъ какъ мы будемъ судить! Это, сударь мой, былъ свѣтой чловѣкъ!

— И потому отрѣшилъ васъ отъ мѣста?

— Ну, и чѣто жъ?.. Одрѣшилъ! Этое вѣрно, что одрѣ-

шилъ; я къ тому и не спору! Еггате humanum... знаете, говорится. Конечно, онъ только черезъ то потерялъ для себя одного, можно сказать, вѣрнаго собаку. Этое, говора по правдѣ, случилось усе одъ навѣтовъ. Одклеветали, очернили мепя... Самыи же поляки очернили!

— Ну, вотъ! Теперь ужъ поляки виноваты! Полноте, пане! Вѣдь мы тоже немножко знакомы съ этимъ дѣломъ. Васъ отрѣшили—не взыщите за откровенность— по сильному подозрѣнію во взносахъ въ народовой капиталъ, въ потворствѣ костельной пропагандѣ и, если не ошибаюсь, въ укрывательствѣ извѣстныхъ вамъ мѣропріятій.

— О-ля Бога! Подите вы, право!.. И чѣто жъ мнѣ вамъ отвѣчать на этое?.. Ежели я есть виноватый, то зачѣмъ мене до Сибиру тогда не одправили? а?.. Позвольте васъ спросить, зачѣмъ мене не одправили?

— Да вѣдь не всѣхъ же въ Сибирь отправляли.

— Э-э, нѣтъ! Усѣхъ должны были одправлять! Усѣхъ! И мене тоже, ежели такъ будемъ судить!.. Помилуйте, на челоуѣка усе можно сказать!.. Но надо доказать наперодъ надо доказать!.. Надо разсмотрѣть зъ легальной стороны! бо такъ не можно!

— Да насчетъ взносовъ доказательства есть.

— Ну, и чѣто жъ изъ того?.. Ну, и есть!.. Але-жъ будемъ мы такъ говоритъ: вы сидите-себѣ мирно и покойно у своихъ, можо сказать, пенатовъ; при васъ ваша лю-

бимая жо́на... и ребенки тутъ на полу кувиркаются... и усе этое такъ пріятно вамъ, и вы ни о чемъ дурного не думаете себѣ, ѣ никому никакого зла не желаете,—а тутъ, вдрухъ входятъ до васъ у двоихъ, але и по трѣи гайдука —таки галгәне!—и втотчасъ съ кынжаломъ у брухо, альбо и зъ тымъ... зъ револьвèремъ... Какъ приставятъ до носу та и говоратъ вамъ: «прошен'пана о́фяроваць цоколь-вѣкъ зъ майонтковъ паньскихъ до фундушу народового!» —Ну, и когда жъ они такъ застигнуть васъ—и вы по своей неволѣ даете, бо они втотчасъ же забіють васъ, а у васъ жо́на, а у васъ потомки ваши ползають, и вы помирать не хотите... Ну, и дашь, только одвяжитесь вы скорѣйшъ, лайдаки проклятые!

— Оно пожалуй и такъ; но ужъ будто къ вамъ таеъ просто и спокойно могли входить эти господа и требовать съ ножемъ у горла?

— А какъ же-жъ иначе? Непремѣнно зъ нóжемъ, чи еще зъ револьвèремъ!

— Да вѣдь вы были исправникомъ...

— Ну, то таеъ есть! И наусегда былъ добрый справникъ, и одъ начальства отличне аттестованы! Но чьто жъ зъ того?

— Да вѣдь при исправникѣ всегда казаки, цѣлая команда,—и при васъ вѣдь были тоже казаки.

— А, полноте, пожалуста! Чьто такое казаки?.. Ка-

заки! — Вы просто не можете имѣть себѣ никакого о томъ воображенья! Одѣ ихъ никакого защищенья, а одно только разоренье есть; бо онѣ только и сидятъ себѣ у жида въ кѣрчмѣ, и какъ надрызгается этой самой водки, то и лежатъ себѣ кверху брюхомъ, какъ свинья какой.

— Зачѣмъ же вы допускали до этого? Зачѣмъ же не взыскивали?

— А что жъ я могу? Я тутъ ничего не могу... бо я жъ не злой человѣкъ, и душу имѣю добрую.

— Мужики однако васъ, кажись, не совсѣмъ-то долюбивали.

— Бо я спуску не давалъ! И вы усѣ, господа мирѣи посредники, вы усѣ, позвольте вамъ выразить, имѣете совсѣмъ фальшивое воображеніе—на этотъ щотъ. Мужикъ—онѣ только нынѣ притворяется такимъ добрымъ, такимъ вѣрнопреданнымъ, а до этого дурацкаго повстанья мужикъ былъ первый бунтовщикъ! первый бѣстія! Вы напрасно воображаете себѣ, что тутъ что нѣбудь дворянство... Конечно, и въ дворянствѣ кое-что было, але гдѣ паршива овца не водится? Но только повѣрте на чести, дворянство—и это наусегда было напервша опора престола и ойчества... Оно еще и мужиковъ одѣ бунтовъ воздерживало!—То такъ есть! Какъ честный человѣкъ! Я смотрю безпристрастно, а потому такъ и говорю! А за паршивыхъ овецъ,—то нынѣ усѣ мы жертвами выходимъ.

Такъ не можно! И зъ тыми, которые какъ я, напрымѣрь, наусегда были увѣрноподданствѣ, надо ужъ помыслить о примиреню и забвеню.

Такъ разсуждалъ панъ Пшепендовскій съ мировымъ посредникомъ Ивановымъ, сидя подъ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, въ публичномъ саду города N.

Панъ Пшепендовскій выглядѣлъ совершенно паномъ не то что маленькой, а почти маленькой руки, занимая какую-то неопредѣленную серединку между паномъ средней руки и паномъ руки маленькой. На видъ ему было лѣтъ сорокъ, и такъ было ему и въ дѣйствительности. Выраженіе лица имѣло въ себѣ нѣчто вполне польско-благоданѣренное. Хорошіе темнорусые усы носилъ онъ по шляхетски; тоненькая полоска бакенбардъ спускаясь отъ одного уха, убѣгала подъ подбородокъ, къ шеѣ, и такою же тоненькой полоской восходила къ уху другой стороны лица. Взглядъ пана Пшепендовскаго передъ низшими выражалъ презрительную и какъ бы начальственную надменность (вѣроятно въ силу старой исправничьей привычки), передъ маленькими людьми изъ русскихъ—полную и отчасти горделиво-равнодушную независимость; передъ почтенными стариками «конпатріотами»—пріятную почти-тельность челоѣка, уважающаго старость и готоваго у нея поучаться; передъ ксендзомъ взглядъ пана Пшепендовскаго выражалъ скорбное сочувствіе чему-то и кроткую, приг-